



Актеры театра с куклами из спектакля «МЮНХГАУЗЕНШОУ»

# ДОМ, В КОТОРОМ ЖИВЁТ СКАЗКА

Дом, в котором живет сказка, есть в Ульяновске. Это театр кукол, появившийся в городе благодаря московским артистам Николаю Мисюре и его жене Марине. Они были эвакуированы в Ульяновск в начале Великой Отечественной войны, и стали первыми актерами, режиссерами и руководителями театра, образованного 1 апреля 1944 года. Чем сегодня, накануне своего 75-летия живет Ульяновский областной театр кукол, с 2007 года носящий имя народной артистки СССР Валентины Леонтьевой, «Мономаху» рассказала заместитель директора учреждения Олеся Кренская.





– Бытует стереотип, будто кукольный театр – это исключительно детское развлечение. Удалось ли его преодолеть?

– Этот стереотип появился после революции, когда лучшие силы искусства были направлены на пропаганду новой идеологии. Тогда детям удобно было «переманивать» на свою сторону, используя выразительные средства театра кукол. Но исторически – это абсолютно взрослый вид искусства. Вспомните хотя бы Гиньоля, Полишинеля и прочих родственников нашего Петрушки. Или марионеточные сцены, которые в точности копировали большие оперы. Кукольные представления давались в кабаре и на площадях. В России кукольные театры появились гораздо позже, чем в Европе. Там нет разделения на взрослые и детские спектакли. Это или спектакль, или нет. Когда десять лет назад я пришла сюда работать, не могла и представить, что в театре кукол могут ставить «Иуду Искариота» или «Кармен». Оказывается, еще как могут! Если говорить о постановке взрослых спектаклей – это практически революция для Ульяновска. Поэтому используем тяжелую артиллерию – приглашаем профессиональных постановщиков.

– Какие взрослые спектакли больше других понравились ульяновским зрителям?

– На сегодняшний день, на мой взгляд, это «МЮНХГАУЗЕНШОУ». Мы начали с «Фрекен Жюли». Спектакль родился в лаборатории «Молодые

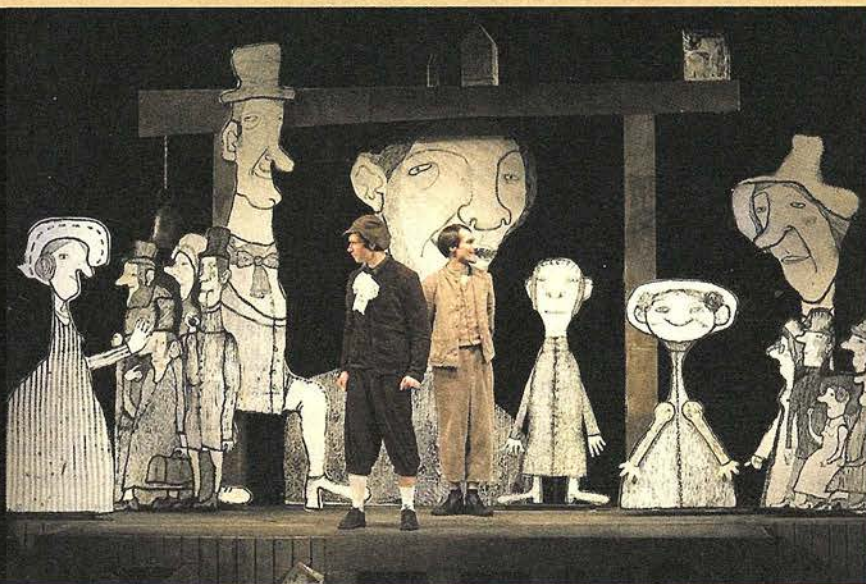
режиссеры». Очень сильная работа, сложная пьеса шведского драматурга Августа Стриндберга, но, как мне кажется, мы сделали маркетинговую ошибку. Если провести аналогию с едой, то это тяжелое блюдо, которое не каждому организму под силу. К «Фрекен Жюли» зрителю надо было прийти. Несмотря на то, что спектакль имел хорошие отзывы критиков, дипломы с фестивалей, зрительский ресурс был исчерпан довольно скоро. Может быть, поставь мы его позже, все было бы иначе. Хотя, возможно, он вновь появится в афише. А вот «МЮНХГАУЗЕНШОУ» и «Про Федота-стрельца, удалого молодца» – успешные, востребованные у зрителя, качественные работы. Ребята-актеры, которые там работают, наслаждаются, и это здорово. С «МЮНХГАУЗЕНШОУ» мы вошли в лонг-лист Российской национальной театральной премии «Золотая маска» как яркое событие сезона 2017–2018. Для нас это серьезное достижение. Один из признаков того, что Ульяновский театр кукол засветился на театральной карте страны. Как, впрочем, и приглашения на фестивали и гастроли.

– Зритель, приходя в театр, видит спектакль – конечный продукт большой работы, которая остается «за кадром». Расскажите, в чем она заключается?

– У любого спектакля есть автор пьесы, режиссер-постановщик, художник-постановщик, композитор. Нужно учитывать и возможности труппы. Как говорится, если нет ак-

тера на роль Гамлета, стоит ли заматывать на Шекспира? Мы верстаем постановочный план на два года вперед. Надо понимать, что у тех, кто интересен нам, плотный рабочий график, ведь режиссеров-кукольников, которых можно назвать режиссерами с большой буквы, которым есть что сказать и на это интересно смотреть, можно пересчитать по пальцам одной руки. Новые имена появляются крайне редко. Поэтому мы с художественным руководителем Владимиром Бирюковым и директором Александром Колтуном (мы окончили Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства и говорим на одном языке, что очень упрощает работу и позволяет быть командой) находимся в вечном поиске. И когда видим что-то интересное, начинаем копать глубже. Лично я смотрю около двухсот кукольных спектаклей в год. Большую часть вживую, что-то в записи. На мой взгляд, сейчас есть определенный кадровый кризис. Есть школа со своими достоинствами и недостатками. Есть хулиганы и отличники. Так вот хулиганы – наше все. А их мало. Мало свободы, хорошего озорства, что ли. Ведь в театре кукол позволено и возможно абсолютно все. Если в драматическом спектакле актеры начнут друг друга бить, потечет кровь, и это будет как минимум не приятно. А у нас это будет смешно и красиво. Потому что это метафора. Кукле можно отрубить голову, развалить ее на части, нарушить пропорции. Я для себя выделяю очень интересную, дерзкую

Спектакль Ульяновского театра кукол «Приключения Тома Сойера» входит в long list Всероссийской национальной театральной премии «Золотая маска» (сезон 2017–2018).







Производственные мастерские Ульяновского театра кукол

белорусскую школу художников и режиссеров-кукольников (Белорусская государственная академия искусств). Там есть ощущение свободы в приемах высказывания, такой хорошей безбашенности. Например, куклы и сценография Татьяны Нерсисян в «МЮНХГАУЗЕНШОУ» у нас и в красноярском «Мелком бесе», или у Людмилы Скитович в «Томе Сойере», или у Александра Вахрамеева в «Ване», или «Одиссее» в петербургском театре KarlssonHaus. Как правило, режиссер работает в паре с художником. Поэтому важен момент взаимопонимания между ними, ведь театр кукол – искусство визуальное, и художник должен не просто нарисовать эскизы костюмов и выбрать цвет портьер, он должен придумать образ спектакля и определить назначение каждой вещи, которую видит зритель. Любая мелочь должна работать – начиная от масштаба и заканчивая системой куклы. В этом плане показательна работа Александра Янушкевича и Татьяны Нерсисян. Ульяновский зритель знает их по спектаклю «МЮНХГАУЗЕНШОУ». Художник рисует эскизы кукол, декорации, вписывает это

в масштабы нашей площадки. Потом приезжает на запуск материальной части, представляет техническое задание в цеха – а у нас отличные мастера – и начинается трудоемкий, но очень интересный процесс. Каждый приезжий художник привозит с собой новые технологии, фишки, приемы. Как и режиссер при работе с актерами, он дает им много непознанного.

**– На ваш взгляд, каким актером быть сложнее: драматическим или актером театра кукол?**

– На мой взгляд, хороший кукольник подобен богу. Драматическому актеру только в кошмаре может присниться, что его в жизни никто никогда не узнает на улице. Наши же вечно то за ширмой, то под планшетом, то на коленках, то водят червячка. Они должны через неживую материю передать образ, характер. Какой испытываешь кайф, когда видишь, как работают ножи у куклы! Или мелкое движение кукольной головушки или кистей вместо тысячи слов. И это все актерская работа. Маска, цвет, масштаб тоже работают на смыслы. Куклы-маски – это прием раздвоения личности, как куклы в

«МЮНХГАУЗЕНШОУ» например, или противопоставление одного мира другому через масштаб или объем, как в «Томе Сойере». Талантливые постановщики ставят вопросы. Почему кукла? Зачем она здесь? Почему именно такой системы? А если ее убрать, что изменится? И актер не просто переносит ее с места на место. Как бы банально это ни звучало, он ее одушевляет. Нужно уметь в какой-то момент скрыться за ней, а в другой – стать ее партнером. И фокус в том, видит это зритель или нет. Понял ли он, когда говорит персонаж, а когда актер N. Вот это мастерство! Да и физически простоять 40 минут с куклой непросто. Для эксперимента, чтобы осознать всю «несерьезность» профессии, можно попробовать походить с утюгом, поговорить за него, спеть пару песен. Актеры-кукольники, как и балетные, рано уходят на профессиональную пенсию.

**– Сколько живет спектакль?**

– Бывает по-разному. Один спектакль может не прожить и года, а другой не сходить со сцены пару десятилетий. Например, спектакль «По щучьему велению» (режиссер Людмила





Гаврилова) просуществовал больше двадцати лет, мы устраивали даже день рождения Емели, когда осознали данный факт его биографии. Постановка «Муха-цокотуха» тоже была таким долгожителем. Если в среднем, то, наверное, жизнь спектакля семь-десять лет. Потом он устаревает, как ни грустно это осознавать. Сейчас совсем другие дети, чем те, что были, скажем, десять лет назад. Очень интересно, каким будет детский зритель еще лет через десять. Мы зависимы от него в том плане, что нам важно понимать, о чем он думает, что читает, смотрит, чем увлекается, на каком языке говорит.

– А куда «уходят» куклы после исчезновения спектакля из репертуара?

– После снятия постановки какие-то куклы идут в наш музей, другие к нашим театральным педагогам для мастер-классов, что-то дарим в детские театральные студии.

– Что ульяновским зрителям ждать в скором времени от театра кукол?

– Из совершенно нового – наконец-то сбудется мечта и у нас появится бэби-театр, для самых маленьких. Это спектакли для детей от года до трех лет. Когда малыши рассаживаются на подушки и им рассказывают историю. С совершенно особой интонацией, с особыми приемами – как постановочными, там и актерскими. Уже в мае следующего года состоится премьера спектакля «Мама, что такое любовь?». Катя Ложкина, которая ставила «Дюймовочку» – специалист по таким постановкам. Я несколько лет изучала эту тему, пересмотрела много работ, переговорила со множеством людей, как профессионалов,

так и обычных зрителей, пыталась определить, прежде всего для себя, каким должен быть бэби-театр. Есть спектакли с сюжетом, есть без сюжета, есть с текстом, есть без текста. Есть куклы узнаваемые, а есть условные предметы. Это безумно интересно!

И еще очень хочется, чтобы пришло время спектаклей по современной детской литературе. Я не имею ничего против колобков, теремов и красных шапочек. Они нужны. Но хочется, чтобы стали востребованы не только сюжетные разговоры. А между нами и ребенком есть посредники – родители или учителя, большинство из которых предпочтут «Курочку Рябу» «Белой гусыне».

Беседовала Мария Цуман

Фото автора